

Должно быть, здесь не только слепота людей, но и некий рок истории. Нужно, чтоб нейтральная в своей гуманистически-демократической форме современная цивилизация поляризовалась в своих скрытых составных антиподах — коммунизме и фашизме, чтоб они, послужив, таким образом, зеркалом друг для друга, показали ее в ее настоящем, выявленном, поляризованном виде. Тем яснее и насущнее станет тогда необходимость ее преодоления и реальнее и ближе возможность возникновения новой высшей формы цивилизации.

П. Смирнов.

„Бесы“ и „свиньи“

«Навозну кучу разрывая,
Петух нашел жемчужное зерно
И говорит: «Куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высоко так ценят!?
А я бы, право, был гораздо более рад
Зерну ячменному, — оно не столь хоть видно,
Да сытно».

(Из басни Крылова).

«Тут на горе паслось большое стадо свиной,
и они (бесы) просили Его, чтобы позволил им
войти в них. Он позволил им. Бесы, вышедши
из человека, вошли в свиной; и бросилось стадо
с крутизны в озеро, и потонуло».

(Ев. от Луки, VIII, 32-37).

Мы взяли в качестве эпитафий к нашей теме эти слова из столь различных источников потому, что и тема наша состоит из двух и совсем разных аспектов. Это тема о «свиньях» вообще — из нашей, так сказать, постоянной человеческой жизни и о «свиньях» из современной, почти апокалиптической судьбы России. «Свиньи» первого рода — вещь очень простая. И приведенными словами из басни разговор о них мог бы быть исчерпан. Но дело в том, что на исторических подмостках, на которых сейчас разыгрывается великая трагедия России и в ее лице — трагедия всего современного мира, вслед за большевистскими «бесами» должны, повидимому, в качестве тоже некоторых действующих лиц, появиться и знаменитые евангельские «свиньи». Дальше мы увидим в каком смысле и почему. Так что и тема о «свиньях» вообще становится по-особому значительной и актуальной. Есть странное и непоплатное явление. Никому не придет в голову кичиться, скажем, своей физической невзрачностью или умственным убожеством, тупостью и бездарностью. А вот чванство своей духовной невзрачностью, тупостью и убожеством можно встретить сплошь и рядом. Наша же буржуазно-материалистическая эпоха наделила его даже принципиальным и теоретическим превосходством. Подобно тому, как есть снесь и чванство профессиональное, когда, например, юрист или врач превыше всего ставят свое дело, с пренебрежением относясь к другим профессиям, так есть свое-

образное чванство уровней, когда какое нибудь «материалистически мыслящее» мурло не просто предпочитает свое питательное «ячменное зерно» «беспольному» «жемчужному зерну», но и усматривает в этом предпочтении какое то свое особое превосходство. Не трудно было бы привести достаточное число примеров этого своеобразного чванства своим духовным убожеством и нищетой и из литературы, и из современной жизни. В основе его обычно лежат — сознательный или бессознательный — материализм — эта «философия свиней» по выражению Картейля, как раз подходящему к нашей теме. «Сапоги выше Шекспира» — вот лапидарная формула мировоззрения этих материалистических «свиней», что и возведено в теорию в «философии» т. н. экономического материализма.

«Свиньям» никогда не понять — зачем нужны были, например, пирамиды — эти по «здравому смыслу» их свиному «реализму» совсем «ненужные» и «беспольные» вещи. Ведь «свинья» лишена даже возможности видеть существо, вверх, в небо уходящей пирамиды. И надо сказать, что в этой неспособности свиньи видеть небо («когда бы вверх могла поднять ты рыло...») природа как бы создала своего рода символическую. А между тем, едва ли не единственное, что от всего величия Египта осталось, это «беспольные» эти пирамиды, ибо они были величайшим выражением человеческой воли к вечности.

Все, что превосходит такой свиной «реализм», для «свиней» только — «мистика», т. е. нечто не реальное. Для них подлинно реально лишь то, что можно, так сказать, пощупать, что можно «есть». Ведь вот, оказывается, что для них и наша идеология тоже — только «мистика», хотя настоящие мистики вполне основательно видят в ней свой полный антипод. А почему? Потому, что она превосходит уровень их свиного рыла, на котором они только и могут видеть. Все же, что выше этого уровня, то для них не реально, ибо не видимо для их кругозора.

По той же причине «свиньи» обычно «не признают» и даже злобно хрюкают на «идеологов». При этом, взбираясь на не принадлежащее им место за столом Идеологии, где может присутствовать лишь Человек — во всем своем «гордом» человеческом звании, они любят ссылаться на... Наполеона, который де тоже не миловал «идеологов». Но во-первых, как гласит поговорка, то, что может быть позволено Юпитеру, не может быть позволено быку. А во-вторых, Наполеон был великий полководец и его «презрение» к идеологии того же, так сказать, профессионального характера, что презрение некоторых великих математиков к поэзии или поэтов к математике. Л. Толстой отвергал науку, отрицал всю культуру вообще. Но, тем не менее, он был величайшим творцом той же культуры, в частности, также и в области мысли. Так было и с Наполеоном, который недолюбливал «идеологов», сам всю жизнь мучился всякого рода «идеологическими» вопросами — вопреки даже своему исключительно военному дарованию и поприщу.

И это естественно. Человек ведь есть не только питающееся и размножающееся существо. Он не есть пищеварительный канал, протянутый из кухни в уборную, как его пытаются представлять всякого рода разновидности материализма. Человек есть прежде всего и главным образом, духовно-нравственное существо, от которого также зависят и его материальные дела. Ведь в низшем своем биологическом существе он ничем существенным не отличается от животного. Следовательно, всем тем, чем он превосходит последнее, в частности, и своей материальной культурой, он обязан исключительно своему творческому духовному существу, которым он только и отли-

чается от животного. Уж, действительно, «когда бы вверх могла поднять ты рыло, тебе бы видно было», откуда все то великолепие и богатство, которым пользуешься и ты.

Сознание это теперь всюду начинает брать верх, хотя еще недавно примат «ячменного зерна» над «жемчужным», «сапога» над «Шекспиром» был той «философией», на которой строилась вся жизнь. Нельзя ведь отрицать, что материализм является основным, определяющим духом — *spiritus rector* всей буржуазной цивилизации. В частности, и наше воинствующее коммуно-марксистское мешанство и бестиялизм пришли, ведь, к нам тоже с того же бурж.-капит. Запада. Русские лишь последовательнее и крайнее — в зле и добре — своих з.-европейских соседей. Поэтому, можно сказать, что там, где европеец — мешанин, там русский — хам; там, где у европейцев бестиялизм, там у нас просто скотство.

Но сейчас эта эпоха кончилась. Материал. квази-реализм, этот реализм нижней половины человеческого существа — теперь уже не в моде нигде. На форуме Истории сейчас уже не «свиньи» орудуют, и их отовсюду выгоняют и стоняют в подобающее и принадлежащее им место. Наоборот, теперь у всех на языке, кто хоть сколько нибудь затронут заревом нового исторического Дня, такие понятия и слова, как: «целостное мирозерцание», «идеализм» («примат духа»), «новое сознание» и «идеология», «идеология», «идеология», — едва ли не каждая группа, направление, партия считает необходимым иметь свою собственную «идеологию», усматривая в ней фундамент всего. Как известно, и фашизм выступил с гордой самодостаточной воинствующей, социально-политически вооруженной идеализма. И как ни ничтожен культурно-исторически и по существу этот его идеализм, все же нельзя отрицать, что это и есть, главным образом, то, что — по реакции к зловонно-удушливому буржуазно-марксистскому материализму — в чем привлекает, всегда романтическую, молодежь, особенно учащуюся, из которой и вербуются главные его кадры.

Так обстоит дело в мире вообще. В России же этот очистительный кризис выступает в особой, драматической и полной глубокого духовно-исторического смысла, форме, знаменующей решающий момент в ее судьбе и, может быть, в судьбе всего мира. В наших событиях «свиньи», выступающие на сцену в тот момент, когда по логике вещей должны сойти с нее «бесы», приобретают особое реальное и символическое значение, почти граничащее со смыслом известной евангельской символической.

Действительно, сейчас мы присутствуем при появлении в России на поверхности жизни наряду с выздоравливающим «бесноватым» — русским народом, одной примечательной разновидности «появившихся людей» — подлинных «свиней», которые отовсюду вытесняют и проглатывают прежних революционных «бесов». И это глубоко положительный факт, ибо страшны «бесы», «свиньи» же не страшны: они сами, в соответствии со своей натурой и потребностями, потом уйдут из общественной борьбы в подобающее им место, в «личную жизнь».

Если, кроме того, «бесы» в своем пламенном революционном ореоле могут кого либо обмануть насчет своей истинной природы и соблазнить, то «свиньи» во всей откровенности своей свиной натуры никого не могут ни увлечь, ни соблазнить, ни ввести в заблуждение относительно своих «истин» и «идей». А история движется не только притяжением, но и отталкиванием.

Материализм страшен, как болезнь, тогда, когда им поражаются высшие, по существу своему идеалистические, силы народа — его

мозги и душа; когда же он поселяется в различных «телесных» — низших и внешних — частях его существа, тогда он не только не страшен, но в известном смысле, здесь он даже на своем месте.

Во всяком случае появление «свиней» на месте «бесов» есть глубоко симптоматическое явление, и оно знаменует, что болезнь преодолевается, что становится возможным процесс духовного возрождения. В этом необходимый отрицательный момент в духовном освобождении русского народа, момент без которого невозможно и его полное творческое освобождение. Марксизм со своим принципиальным и воинствующим мешанством и бестиализмом, овладевая поначалу «бесами», неизбежно должен привести в результате к «свиньям». А «бесам» в России сейчас, действительно, делать уже больше нечего, и они с естественной необходимостью вытесняются или перерождаются — «переселяются» в «свиней».

Однако, отмеченное явление есть **положительный факт**, знаменующий, так сказать, дисквалификацию «бесов» и их падение, лишь в том случае, если «свиньи» их сменяющие не будут восприняты, как единственные и законные наследники новой жизни, как это могут представлять себе те, у кого «свиньи» вообще находятся в идеологическом фаворе. Поэтому сейчас в **высшей степени ответственный момент** в исторической судьбе России. Она находится в некоем альтернативно-переходном моменте, из которого может или сползти в окончательное материалистическое свинство, превратиться в тот «город Скотопринюевск», который чудился Достоевскому, или в мощном творческом порыве взойти к тому историческому Величию, которое уготовано ей и объективными и субъективными возможностями ее судьбы. В первом случае она отойдет на задворки мировой истории, будет отброшена в самый хвост ее, ибо, как уже говорилось, не эти «идеалы», не эти «ценности» сейчас находятся в авангарде исторической динамики, — во втором случае она выйдет на тот **Путь своего высшего исторического призвания** в мире, о котором пророчествовали все ее великие мыслители, герои, создатели и духовные вожди.

От России сейчас мир ждет преображающего Нового Слова, усматривая в ее событиях исторически почти провиденциальное значение и смысл. И неужели на эти ожидания мы ответили лишь утрированной и уже вполне скотской формой того же, в чем он видит свое собственное падение и культурный маразм? Неужели вместо ожидавшегося «Города Солнца» мы ответим действительно «Скотопринюевском» Достоевского.

П. Б.

Что есть победа

Победа идеи не тоже самое, что военная победа оружия. И часто идея, добывающаяся победы силою оружия, терпит на самом деле настоящее поражение. Идея еще не побеждает в том, что носители ее достигают внешнего господства. Наоборот, сплошь и рядом такое господство означает уже с самого начала или впоследствии срыв идеи, часто приводящий ее к окончательной гибели. Многие искренние христиане считают, что Император Константин, впервые провозгласивший христианство господствующей, гос. религией, первый именно этим нанес ему самый тяжелый удар. О том же говорят и факты из истории Русского Православия, как и других религий и вероисповеданий. Считается очевидной истиной, что церковь возрождается тогда, когда становится гонимой и, наоборот, вырождается, когда сама выступает в роли гонительницы. Нечего и говорить о той страшной роли, какую в ее судьбе сыграла Инквизиция, — этот прообраз современного красного террора. О том же свидетельствует и история идеологических движений. В частности, лучшие представители социализма всегда считали, что преждевременное завоевание власти губительно для его дела. Поэтому многие из них уклонялись от власти даже тогда, когда она им сама давалась в руки.

Из всего этого следует, что победы идеи нет и не может быть там, где она насилует. Факт насилия и есть показатель того, что жизнь ее отвергает. Идее сопутствует свобода, — и не только в ее пути, но и в ее достижениях, ибо истинная идея освобождает. Следовательно, та идея, которая приносит закрепощение, есть не только ложная, но и заранее обреченная идея. Это указывает на то, что действительная победа идеи есть факт имманентного порядка. Она должна овладеть жизнью изнутри, из ее естественной закономерности. Для этого жизнь должна созреть к уровню и требованиям такой идеи и с своей стороны идея должна быть на уровне жизни и ее запросов. В первом случае идея опережает жизнь и выше ее, во втором — она отстает от жизни и ниже ее.

Выродившееся сознание современности настолько снизилось и